
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ INVESTIGATION ACTIVITIES

Научная статья
УДК 343.132
EDN OTEWNE
DOI 10.17150/2411-6122.2023.1.87-96

Оптимизация использования и оценки результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств

Е.В. Брянская

Санкт-Петербургский университет МВД РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, veret.1976@mail.ru

Аннотация. Действующее уголовно-процессуальное законодательство достаточно обстоятельно регламентирует процесс доказывания по уголовному делу. Для нас вполне понятен предмет доказывания по делу, средства доказывания, процедуры собирания, исследования, проверки и оценки доказательств. Однако, до сих пор среди ученых и практических работников продолжают в сфере уголовного судопроизводства споры о правилах оценки результатов оперативно-разыскной деятельности. В итоге научных дискуссий, которые наблюдаем в процессе обсуждений на круглых столах, на научно-практических конференциях, мы приходим к выводу о необходимости выработки более простых алгоритмов приобщения оперативной информации в качестве доказательств по уголовному делу. Тем не менее, процессуальный закон по-прежнему стоит «на мертвой точке» и очень поверхностно регламентирует вопросы доказательственного значения результатов, которые были получены посредством оперативно-разыскных мероприятий. Следовательно, мы предприняли попытку высказать свое авторское мнение о необходимости совершенствования и оптимизации средств доказывания по пути упрощения процессуальных формальностей придания оперативным данным силы доказательств.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, процесс доказывания, опрос, допрос, сила доказательств, оптимизация предварительного расследования, оценка доказательств.

Для цитирования: Брянская Е.В. Оптимизация использования результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств / Е.В. Брянская. — DOI 10.17150/2411-6122.2023.1.87-96. — EDN OTEWNE // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 1. — С. 87–96.

Original article

Optimizing the Use and Evaluation of the Results of Operational Investigative Activities as Evidence

E.V. Bryanskaya

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint-Petersburg, the Russian Federation, veret.1976@mail.ru

Abstract. The current criminal procedure legislation provides a sufficiently detailed regulation of the process of proof in criminal cases. The object of proof, its means, the procedures of collecting, investigating, verifying and evaluating evidence are quite clear. However, both researchers and practitioners in the sphere of criminal court proceedings are still arguing about the rules of evaluating the results

of operational investigative activities. Scholarly discussions at round tables and research conferences demonstrate that it is necessary to work out simpler algorithms for using operative information as evidence in a criminal case. Nevertheless, the procedural law still remains “at a standstill” and provides a rather superficial regulation of the evidentiary value of the results obtained during operational investigative actions. The author presents her opinion regarding the necessity of improving and optimizing means of proof by simplifying the procedural formalities of giving operational information the strength of evidence.

Keywords: operational investigative activities, the process of proof, interview, interrogation, strength of evidence, optimization of the preliminary investigation, evaluation of evidence.

For citation: Bryanskaya E.V. Optimizing the Use and Evaluation of the Results of Operational Investigative Activities as Evidence. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no 1, pp. 87–96. (In Russian). EDN: OTEWNE. DOI: 10.17150/2411-6122.2023.1.87-96

В настоящее время мы все чаще задаемся вопросом, каким образом можем использовать в процессе доказывания результаты оперативно-разыскной деятельности. Анализируя следственную практику, у некоторых авторов складывается впечатление, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) не в полной мере правильно и объективно трактует существующие основы использования результатов оперативно-разыскной деятельности [1, с. 45]. Приводятся вполне объективные доводы о возможности оценки результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве самостоятельного источника доказательств.

Имеют место и воззрения о том, что все же следует придерживаться постулатов УПК РФ, и в аспекте сущности оперативной работы получаемые сведения не могут приобретать силу доказательств. Только после легализации данных сведений посредством следственных действий, оперативно-разыскная информация приобретает силу доказательств. На основании ст. 3 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 28.06.2022 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативная работа основывается на

конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств¹. В частности, авторы отмечают: «Негласный характер оперативно-разыскных мер связан с использованием особых познаний и подготовки, специальных технических средств, источников информации, тактических приемов и сохранением их в тайне от всех кроме лиц, участвующих в этой деятельности» [2, с. 47].

Однако, те основания, в свете которых сотрудники оперативно-разыскной деятельности собирают сведения, вполне могут свидетельствовать о получаемой информации в качестве доказательств. Итак, анализируя УПК РФ, очевидно, что процессуальный закон лаконично регламентирует процессуальное значение сведений, собираемых оперативно-разыскным путем. В частности, ст. 89 УПК РФ закрепляет следующее положение: в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной дея-

1 Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ : (ред. от 28.06.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

тельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательству настоящим Кодексом.

Обратим внимание на то, что в 2003 г. было внесено дополнение в текст УПК РФ, на основании п. 36.1 ст. 5 «результаты оперативно-розыскной деятельности — это сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда». Оперативные сведения приобретают доказательственное значение после того, как следователь на основе собранной информации оперативными сотрудниками проведет следственные действия. То есть, легализацию и приобретение доказательственной силы оперативные сведения получают посредством их подкрепления следователем. Например, полученный опрос оперативным сотрудником приобретает силу доказательства, когда на основе этого опроса следователем проведен допрос. Совсем иная ситуация складывается, когда оперативные сотрудники могут производить следственные действия по отдельному поручению следователя. Так, на основании ч. 1 ст. 152 УПК РФ в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе поручить производство этих действий органу дознания, поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток.

Обращаясь к доктринальному толкованию, понимаем, что поручение следователя или дознавателя (отдельное поручение) — это письменное обращение к другому органу расследования с предписанием о производстве процес-

суальных или розыскных действий в связи с расследуемым уголовным делом. УПК РФ регламентирует два вида поручений следователя: поручения органу дознания по месту производства следствия (п. 4 ч. 2 ст. 38) и поручения органу дознания или другому следователю вне места следствия (ч. 1 ст. 152). Поручение может быть направлено в целях производства широкого перечня процессуальных действий. Следственная практика демонстрирует, что помимо розыска лиц, сотрудники достаточно часто производят допрос [3].

В свете вышеупомянутого законодательного определения результатов оперативно-розыскной деятельности нам видится достаточно широкий перечень той информации, которую имеют право собирать оперативные работники. Закрепление возможности собирать сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления означает собирание доказательств, относящихся к характеристике преступного деяния, его квалификации в аспекте конкретного состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ. Сведения о признаках означают те сведения, которые раскрывают субъект, субъективную сторону, объект, объективную сторону преступления. Соответственно, все те обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, имеет право собирать оперативный работник. Возникает вопрос, какими средствами. Следователю, обращаясь к специальному федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», на основании ч. 1 ст. 6 оперативно-розыскными признаются следующие мероприятия: опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение,

отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, получение компьютерной информации.

В научной литературе предлагается расширить перечень данных мероприятий, что, в принципе, обусловлено целесообразностью во благо эффективности и разумности предварительного следствия. Так, видится вполне обоснованным внести федеральным законом в качестве дополнения регламентацию следующих оперативных действий: оперативные переговоры [4, с. 16], слуховой контроль (электронное наблюдение) [5, с. 12], вербовочная беседа, задержание лица, подозреваемого в совершении преступления (разыскиваемого), организация засады [6, с. 29]. Стоит согласиться с позициями современных авторов, поскольку, чем шире диапазон оперативных мероприятий, тем эффективнее будет предварительное расследование преступлений в целом.

В данный период времени оперативно-розыскная деятельность имеет конспиративный, можно сказать, разведывательно-поисковый характер. Оперативно-розыскные мероприятия проводятся посредством как гласных, так и негласных процессуальных действий. От степени гласности и негласности зависят условия производства оперативно-розыскных мероприятий [7, с. 76].

Однако, в свете процесса доказывания нас в большей степени интересует алгоритм использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Для нас имеет место всего лишь одно

условие, которое заключается в соответствии тем требованиям, которым должны отвечать доказательства. Разумеется, очевиден пробел в действующем законодательстве. Аналогичной позиции придерживаются и другие авторы, которые справедливо на примере расследования уголовных дел террористической направленности пишут: оперативные мероприятия, заключающиеся в контртеррористической операции являются основанием формирования доказательственной базы. Основными информационными ресурсами выступают в контртеррористической операции материалы, полученные оперативно-розыскным путем [8, с. 114]. Возникает вопрос: почему по иным категориям уголовных дел мы не придаем оперативной информации такое же значение. Анализируя ранее перечисленные оперативные мероприятия, складывается мнение о широком познавательном потенциале оперативных сведений, учитывая и то положение, которое закреплено в ст. 11 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в которой закреплено, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий. Следовательно, можно понять содержание данной статьи таким образом: если в суде имеют место оперативные сведения, не закреплённые следственными действиями, они все равно будут иметь силу доказательств.

В этой связи мы обращаем внимание далее по тексту на содержание ст. 11 закона, в которой указывается: представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную дея-

тельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами.

В ведомственных документах закреплено право суда обращаться с «судебным решением о проведении оперативно-разыскных мероприятий ...», «запросами, требованиями о предоставлении документов по находящейся у него на рассмотрении жалобе лица, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права, о непредставлении или представлении не в полном объеме органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведений о полученной об этом лице информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны»². Как видим, суд оценивает в качестве доказательств материалы без опосредования следственными действиями. Значит, есть основания рассматривать сведения, полученные оперативным путем, в качестве самостоятельного источника доказательств. Пункт 4 ведомственной инструкции закрепляет положение об использовании результатов оперативно-разыскной деятельности в целях подготовки и осуществления следственных и судебных действий, предусмотренных УПК РФ и в то же время могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства,

2 Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : Приказ № 30544 Минюста РФ от 05.12.2013 г. URL: <https://rg.ru/documents/2013/12/13/instrukcia-dok.html> (дата обращения: 13.10.2022).

регламентирующими собрание, проверку и оценку доказательств³.

С одной стороны, для нас видится замкнутый круг, а с другой — в инструкции в равной степени выделяются основания использования: и в качестве сведений для суда, и по правилам процесса доказывания, регламентированного УПК РФ. Обращаясь к ст. 86 УПК РФ, в качестве субъектов, которые вправе собирать доказательства, понимаем, в качестве таковых рассматриваются дознаватель, следователь, прокурор и суд. Собрание производится путем производства следственных и иных процессуальных действий. Оперативный сотрудник в данном перечне не упоминается. Однако, если следователь имеет право обратиться с отдельным поручением для производства следственного действия, почему же оперативный сотрудник не может выполнить данное процессуальное поручение без формальностей составления отдельного поручения. Мы полагаем, если бы в ст. 86 УПК РФ был восполнен пробел и в качестве субъектов собрания доказательств был упомянут оперативный сотрудник, признавать оперативно-разыскные данные в качестве доказательств без опосредования следственными действиями, было бы вполне резонно.

Однако, Конституционный Суд РФ по данному поводу высказал свою позицию в Определении № 18-0 от 14.02.1999 г.: «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением ФЗ «Об ОРД». Оперативно-разыскные ре-

3 Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : Приказ № 30544 Минюста РФ от 05.12.2013 г. URL: <https://rg.ru/documents/2013/12/13/instrukcia-dok.html> (дата обращения: 13.10.2022).

результаты получают силу доказательства посредством закрепления их надлежащим процессуальным путем, предусмотренным УПК РФ⁴. Следовательно, результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы исключительно в качестве ориентирующей, пусть очень важной, но все же факультативной информации [9, с. 95].

В этой связи может сложиться мнение о необходимости лояльного отношения законодателя и необходимости внесения изменений в отраслевое законодательство о рассмотрении результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве самостоятельного источника доказательств.

Более того, современная судебная практика свидетельствует о качественной профессиональной подготовке оперативных сотрудников. Если буквально несколько лет назад имела место практика заявления адвокатами ходатайств о проведенных розыскных мероприятий вне рамок закона, то в настоящее время наблюдается динамика в неудовлетворении судьями подобного рода ходатайств. Проанализируем один из примеров уголовного дела. Так, «материалы оперативно-розыскной деятельности по изобличению осужденных в совершении преступлений исследованы судом путем производства предусмотренных УПК РФ следственных и судебных действий и приобщения их к материалам дела; при этом установлено, что прослушивание телефонных переговоров, оперативное наблюдение и другие оперативно-розыскные ме-

роприятия проводились сотрудниками для решения поставленных перед правоохранительными органами ст. 2 Федерального закона задач выявления, пресечения и раскрытия преступлений, а также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, в данном случае для проверки имевшейся оперативной информации об уже совершенных и совершаемых участниками преступной группы преступлениях, поэтому результаты оперативно-розыскной деятельности обоснованно признаны судом допустимыми доказательствами, а доводы стороны защиты об их незаконности, и в частности, недопустимости результатов оперативного опроса Б. с применением аудиозаписи, — несостоятельными»⁵.

Судами решается вопрос о возможности оценки оперативных результатов наравне и в совокупности с легальными источниками доказательств. Например, суд обоснованно ссылается в приговоре на результаты оперативно-розыскных мероприятий, признав их допустимыми доказательствами. В частности, поскольку они получены в соответствии с законом об оперативно-розыскной деятельности и каких-либо нарушений закона, влекущих их недопустимость, судебная коллегия не нашла. «При этом, результаты оперативно-розыскных мероприятий судом оценены в совокупности с другими исследованными в судебном заседании доказательствами и никакого преимущества перед остальными доказательствами они не имели»⁶.

4 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14.02.1999 г. по жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» № 18-0 // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.

5 Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 23.05.2013 г. по уголовному делу № 2-2/13. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

6 Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20.02.2019 г. по уголовному делу № 2-22/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

Интерес представляет и то, что хотя и реже, чем ранее, но все же имеет место судебная практика, которая свидетельствует о необеспечении права на защиту в процессе проведения пусть не следственных, но оперативно-разыскных мероприятий, на которые в равной степени распространяются процессуальные обязанности по обеспечению права на защиту. Справедливости ради приведем следующий пример из судебной практики.

Так, «подлежат исключению из числа доказательств как признанные недопустимыми результаты такого оперативно-разыскного мероприятия как «ОПРОС», проводившегося сотрудниками в отношении С., зафиксированные протоколом осмотра компакт-диска с видео и аудиозаписью, прослушивания фонограммы. Процессуальные документы, на основании которых результаты данного оперативно-розыскного мероприятия были рассекречены и предоставлены следователю, а также протокола о признании и приобщения к уголовному делу вещественных доказательств — компакт-диска, содержащего видеозапись указанного оперативно-розыскного мероприятия по следующим основаниям.

Как установлено в судебном заседании, после оперативно-розыскного мероприятия С. был задержан в связи со сбытом наркотических средств, в итоге были проведены безотлагательные первоначальные следственные действия. Однако, без достаточных к тому оснований в период времени с 08 ч 11 мин. по 08 ч 20 мин. дд.мм.гггг., оперативными работниками было принято решение повторно опросить С., с использованием негласной аудио-видеозаписи, не разъяснив право на защиту. То есть, не были предоставлены возможности воспользоваться услугами адвоката, диск с содержанием аудио-видеозаписи

был впоследствии приобщен к материалам уголовного дела.

В силу ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований закона, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ»⁷.

Мы можем привести разные примеры из следственной и судебной практики, которые имеют место в нашей реальности, тем не менее, вспоминаются недавно высказанные слова руководителя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина. Так, Александр Иванович поднимает вопрос об ускорении расследования уголовных дел, посредством определения алгоритма необходимых доказательств, во благо того, чтобы по уголовному делу не собирался так называемый «информационный шум», а были представлены те доказательства, которых будет достаточно для эффективного расследования. В частности, руководитель ведомства вполне справедливо отметил: «Требования прокурора и суда к достаточности собранных доказательств стали весьма высоки. И здесь необходима разработка единых критериев оценки достаточности собранных доказательств для принятия законного и обоснованного решения по уголовному делу» [10]. Кроме того, А.И. Бастрыкин неоднократно отмечает необходимость ускорения производства по делу.

Мы полагаем, что собирание доказательств не должно сводиться к формализации процесса доказывания, тем более, в свете использования результатов опе-

⁷ Приговор Даниловского районного суда Волгоградской области № 1-19/2019 от 10.06.2019 г. по уголовному делу № 1-19/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

ративно-розыскной деятельности. Нам видится оптимальным собирание такой совокупности данных по делу, которая будет заключаться в универсальном алгоритме. Разумеется, по уголовному делу производится примерно одинаковый перечень оперативных мероприятий и следственных действий, оригинальностью и нестандартностью могут отличаться только лишь назначаемые судебные экспертизы, позволяющие посредством специальных познаний, наиболее точно установить и глубоко исследовать обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу. Однако, каждое уголовное дело индивидуально, следовательно, нельзя заранее предугадать, какие доказательства необходимо собирать по делу, а какие не стоит. Тем не менее, по нашему мнению, следствию необходимо относиться с большим доверием к способам собирания доказательств оперативными сотрудниками. Мы полагаем, что такое следственное действие, как допрос, в силу оптимизации предварительного расследования, следует на законодательном уровне предусмотреть в перечне тех действий, которые могут производиться следователями, дознавателями, в том числе и оперативными сотрудниками на доследственной проверке, т.е., до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Какой имеет смысл следователю подкреплять допросом полученный опрос, произведенный оперативным сотрудником, по горячим следам, когда память свидетелей по делу еще вполне в состоянии воссоздать картину происше-

ствия, случившегося, к примеру, час назад. Разумеется, оперативный сотрудник в состоянии с соблюдением всех правил процессуальной формы самостоятельно произвести допрос, протокол которого может быть приобщен к материалам уголовного дела и оценен впоследствии следователем, прокурором, судом в качестве доказательства. Поскольку следователь обладает процессуальной самостоятельностью, а оперативный сотрудник может быть наделен процессуальным правом на производство допроса, значит, следователь в состоянии сам решить вопрос о процессуальной качественности полученных сведений и их оформлении, соответственно, может либо приобщить к материалам уголовного дела, либо признать недопустимым доказательством и не приобщать, оставив на уровне ориентирующей информации.

Таким образом, мы понимаем, что алгоритм использования результатов оперативно-розыскной деятельности на уровне процессуального закона отсутствует. Мы пользуемся различными нормами, вытекающими из УПК РФ, федерального законодательства об оперативно-розыскной деятельности, из определений Конституционного Суда РФ, из внутриведомственных инструкций и понимаем, что нормы носят бланкетный, отсылочный характер, что не дает возможности в прозрачности увидеть полный механизм использования оперативных данных в процессе доказывания по уголовному делу. Следовательно, для нас понятен еще один повод для дальнейшей модернизации действующего УПК РФ.

Список использованной литературы

1. Бакланов Л.А. Правовое регулирование результатов оперативно-розыскной деятельности / Л.А. Бакланов. — EDN UNRFOP // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2015. — № 2. — С. 58–63
2. Жиров Р.М. Значение оперативно-розыскной информации в раскрытии и расследовании преступлений против жизни / Р.М. Жиров. — EDN PMSYRD // Новый университет. Серия: Экономика и право. — 2012. — № 10 (20). — С. 47–50.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Смирнова. — Москва : Проспект, 2009. — 992 с.
4. Аتماжитов В.М. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : науч. докл. / В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров. — Москва : Шумилова И.И., 2003. — 24 с.
5. Омелин В.Н. О дополнении определенного законом перечня оперативно-розыскных мероприятий / В.Н. Омелин. — EDN YZMBGB // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2017. — № 4. — С. 11–13.
6. Железняк Н.С. К вопросу о соотношении оперативно-розыскных мероприятий и оперативно-розыскной деятельности / Н.С. Железняк. — EDN DHBZOY // Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики : Материалы науч.-практ. семинара. — Москва, 2005. — С. 27–31.
7. Ведров С.Ю. Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий / С.Ю. Ведров, И.А. Коноплев. — EDN LLWVGX // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2009. — № 5. — С. 76–78.
8. Бегова Д.Я. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Д.Я. Бегова, Н.М. Магомедов. — EDN GXKBCE // Закон и право. — 2022. — № 4. — С. 113–115.
9. Поддубняк А.А. Процессуальные аспекты применения оперативно-розыскной информации при производстве по уголовному делу / А.А. Поддубняк. — EDN WVFJWZ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2015. — Т. 1, № 4. — С. 93–95.
10. Козлова Н. Как сократить время расследования и почему нужны единые критерии достаточности собранных доказательств / Н. Козлова // Российская газета. 2022. 27 сент. URL: https://rg.ru/2022/09/27/horosho-sledovatelno-vovremia.html?utm_source.

References

1. Baklanov L.A. Legal regulation of the results of operational investigative activities. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2015, no. 2, pp. 58–63. (In Russian). EDN: UNRFOP.
2. Zhiron R.M. Importance of investigation and search information in investigation of crimes against life. *Novyj universitet. Serija: Jekonomika i pravo = New University: Economics & Law*, 2012, no. 10, pp. 47–50. (In Russian). EDN: PMSYRD.
3. Smirnov A.V. (ed.). *Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 992 p.
4. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. *About the legislative regulation of operational-investigative activity: scientific report*. Moscow, Shumilova I.I. Publ., 2003. 24 p.
5. Omelin V.N. On supplementing the list of operational search measures determined by law. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Correctional System: Law, Economy, Management*, 2017, no. 4, pp. 11–13. (In Russian). EDN: YZMBGB.
6. Zheleznyak N.S. On the question of the correlation of operational investigative measures and operational investigative activities. *Operational and Investigative Measures: Topical Issues of Theory and Practice*. Moscow, 2005, pp. 27–31. (In Russian). EDN: DHBZOY.
7. Vedrov S.Ju., Konoplev I.A. Conditions for conducting operational search activities. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2009, no. 5, pp. 76–78. (In Russian). EDN: LLWVGX.
8. Begova D.Ja., Magomedov N.M. On the issue of using the results of operational investigative activities in criminal proceedings. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2022, no. 4, pp. 113–115. (In Russian). EDN: GXKBCE.
9. Poddubnyak A.A. Procedural aspects of application of operatively-search information in criminal proceedings. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki = Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, 2015, vol. 1, no. 4, pp. 93–95. (In Russian). EDN: WVFJWZ.
10. Kozlova N. How we can reduce the time of investigation and why unified criteria of the sufficiency of collected evidence are necessary. *Rossijskaja Gazeta*, 2022. September 27. Available at: https://rg.ru/2022/09/27/horosho-sledovatelno-vovremia.html?utm_source. (In Russian).

Информация об авторе

Брянская Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Author Information

Bryanskaya, Elena V. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminalistics, Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint-Petersburg, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 14.10.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 30.10.2022

Принята к публикации / Accepted 27.01.2023

Дата онлайн-размещения / Available online 23.03.2023